

отправляли работать самых закоренелых преступников и политических заключенных. Из Ёдока еще никто и никогда не возвращался.

— Он сбежал... — тихо повторила Суджа.

Лицо ее было бледно, а взгляд блуждал где-то далеко.

— Ты его знала? — спросил отец.

Девушка очнулась от задумчивости:

— Нет.

Взгляд отца посуровел, и он пристально посмотрел на дочь:

— Этот парень учился в твоём университете.

— Не могу же я знать всех, кто учится в моём университете, *анна*, папа, — возразила Суджа, подавив волнение.

Ким надавил пальцами на обрезок колонки, предназначенной для макета, оставив отпечаток на его вощенной поверхности.

— Как вообще такой ублюдок, как он, попал в ваш университет? Настоящий *гангнэ*, бандит, получает стипендию в Университете имени Ким Ир Сена! Чушь! Ты же знаешь, что они чистят списки студентов.

— Хорошо, — только и смогла выдать из себя Суджа тонким голосом.

Кровь стучала в висках, а в мозгу вертелось только одно: «Чин Ли Пак сбежал! Он свободен!» Глаза защищало от навернувшихся слез, и она быстро заморгала, чтобы не дать им скатиться по щекам.

Девушка постаралась успокоиться. Глубоко вздохнув, она принялась беззвучно считать: один Великий Вождь, два Великий Вождь, три Великий Вождь, четыре...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чин Ли Пак стоял в вестибюле Университета имени Ким Ир Сена. Рабочая куртка на молнии и ботинки государственного образца, которые были настолько старыми, что местами протерлись насквозь, выдавали в нем чужака. Другие студенты расхаживали в новехоньких пиджаках, свежевыглаженных брюках и щеголяли модными стрижками — зачесанными на косой пробор короткими волосами. Рядом с ними Чин выглядел *чонном* — деревенщиной, а его ясный взгляд и чисто выбритое крестьянское лицо лишь способствовали тому, что он стал у городских парней новым мальчишкой для битья. Они называли его «деревенским крысоедом».

— Говноед! *Гэсаки!* — гоготали городские, если им случалось столкнуться с Чинном в коридоре, и непременно толкали его в плечо или пихали локтем под ребра.

Но даже старые ботинки не могли испортить его пружинистую, уверенную походку, красноречиво свидетельствующую о хорошей спортивной форме и силе ее обладателя. Чин мог бы запросто задать им взбучку. Он ругался им вслед, называя «бестолковыми рисоварками» и «сынками мамкиного козла».

Это были чудные деревенские ругательства, каких Судже не доводилось слышать прежде. И от этого обмена «любезностями» все, кто оказывался в коридоре, включая самого Чина, начинали смеяться.

Ему прекрасно удавалось располагать людей к себе, особенно когда до них доходило, что он один из самых толковых в группе. Если никто из студентов не мог ответить, профессора всегда обращали свой взор к нему. Чин не просто запоминал написанное в учебниках, а имел свежий взгляд на вещи и обладал поразительной ясностью ума. Этот парень был, как они выражались, «высшей пробы».

Суджа с интересом наблюдала за Чином, гадая, кто же такой этот новенький из деревни. Будучи дочерью редактора газеты «Нодон», она привыкла чувствовать себя лидером среди одноклассников. Детство ее прошло в новостном отделе под бесчисленные споры между отцом и дядей Ху, любившим отпускать шуточки по поводу всего на свете, начиная от ухода за коровами и заканчивая любовницами Мао Цзэдуна. И девочка рано научилась не лезть за словом в карман. Но с Чином она почему-то осторожничала.

Порой Суджа замечала, что парень смотрит на нее, но всякий раз, когда она встречалась с ним взглядом, Чин отворачивался. Поначалу Суджа не сильно об этом задумывалась, поскольку ходила по коридорам под ручку с подружкой Кёнбок, ловя на себе восторженные взгляды парней и девушек в равной степени. Но когда бы она ни искала глазами Чина в надежде перехватить его взгляд, он всегда смотрел в другую сторону. Суджа даже начала думать, что парень ее боится. Может быть, она казалась ему слишком современной со своей короткой стрижкой боб, благодаря которой выглядела необычно, особенно по сравнению с остальными, длинноволосыми, девушками. Она решила постричься, когда поступила в университет, и от-

---

хватила волосы сразу на семь дюймов¹, так что сзади они открывали шею. С такой стрижкой Суджа сразу почувствовала себя легче и свободнее, но, возможно, для деревенских парней такая прическа казалось слишком уж экстравагантной.

Чин не осмеливался смотреть на Суджу, потому что действительно побаивался ее, как и других столичных студентов. И хотя он шутил с ними во время занятий, после учебы никогда не оставался в их компании, чувствуя себя неуклюжим самозванцем в стенах столь уважаемого университета. Обычно Чин вышагивал по улицам города в полном одиночестве, глядя вокруг широко раскрытыми глазами и дивясь окружававшему его великолепию.

О этот Пхеньян, с широкими серыми проспектами и регулировщиками дорожного движения в белых перчатках! Они подавали знаки редким машинам, которые неспешно двигались по безлюдным улицам, словно частные самолеты по пустынной взлетной полосе. Пхеньян, где женщины носили деловые костюмы и пользовались одним и тем же темно-красным оттенком губной помады; где по тротуарам маршировали энергичные горожане, граждане настоящего мира, с одинаковыми суровыми лицами и квадратными стрижками.

Особыми казались даже студенты в коридорах Университета имени Ким Ир Сена с их разговорчивостью, импортной одеждой и вещицами, о которых Чин не мог и мечтать (вроде рюкзаков с изображениями Великого Вождя, польских наручных часов или российских пиджаков). Смущение Чина было настолько сильным,

---

¹ Около 18 см. — *Здесь и далее прим. ред.*

что затрагивало не только его эмоции, но и все существование.

В его родном городке Янгдоке люди только и делали, что сидели на корточках без работы, поскольку никакой промышленности в их краях больше не было, да отпускали в адрес друг друга колкости. Промышленность пострадала после того, как в 1994 году Великий Руководитель объявил начало Трудного марша, после чего не стало ни продовольствия, ни электричества.

Отец Чина следовал указанию страдать ради общего блага, питаясь один раз в день вместо трех, и надзирал за своей семьей, точно интендант. Когда другие мужчины начали зарабатывать на стороне, доставая продукты, подторговывая и провозя товары контрабандой из Китая, его отец наотрез отказался опускаться до «сомнительной работенки». Вместо этого он продолжал трудиться начальником отдела на инструментальном заводе, даже после того, как пропало электричество и ему перестали платить зарплату.

И пока отец мучил себя, едва сводя концы с концами, Чин не желал мириться с такой экономией и с бешеной энергией принимался за любое дело. Большинство северокорейцев верили, что будущее и судьба человека предопределяются его родословной, но Чин был решительно настроен улучшить участь семьи. В его представлении Великий Руководитель воплощал в себе желанный образ истинного отца, и парень работал, стараясь доказать, что достоин его. Каждое утро он посвящал учебе и чиркал огрызком карандаша в газетных заметках.

Когда Чину удалось получить стипендию в Университете имени Ким Ир Сена, он понял, что дождался долгожданной свободы. Его судьба больше не зависе-

ла от отца и образа жизни скупого суперинтенданта. Будущее не нужно было отмерять площадками, потому что Чин поднялся выше отцовского социального уровня и теперь мог поделиться преимуществами новой жизни со всей семьей. Прорвавшись за запечатанные семью печатями врата Пхеньяна, он обеспечил родным места за «большим столом» и твердо решил выжать из своего положения все, что только можно.

Чин никогда в жизни не встречал таких красивых девушек, как Суджа. К тому же она была самого благородного происхождения и, как и положено таким людям, находчивой в разговоре, беззаботной и даже беспечной. Чин не знал, чем восхищаться больше, — ее репутацией одной из самых блестящих студенток или ее работой фотографом. Он никогда раньше не слышал, что женщина может быть фотожурналистом — все его знакомые фотографы и сотрудники редакций были мужчинами. Несоответствие общепринятым канонам и оригинальность Суджи одновременно и пугали, и приводили Чина в восторг. Он понимал, что познакомиться с этой девушкой поближе будет не так-то просто.

К тому же она тоже начала подтрунивать над Чинем в аудитории, присоединяясь к общим шуткам и обыывая его как только можно: от «неотесанной деревенщины» до «говнокопателя».

Чин, скрестив руки и расправив плечи, принимал удар и отшучивался в ответ, называя ее «мисс сплетница двадцать первого века» или «мисс важные штаны» (с акцентом на слове «важные»). Каждый день он повышал ставки, придумывая для нее всё новые прозвища: например, «мисс председатель управления всезнаек в подкомитете южного кампуса». А однажды,

когда она пришла на занятия с фотоаппаратом, Чин назвал ее «мистером уважаемым фотографом». Все засмеялись, а Суджа вспыхнула и, усевшись за стол, бросила Чину через плечо:

— Убирайся обратно к своим овцам, деревенский ты простофиля! Городские девушки явно не для тебя.

Чин пожал плечами:

— Я мог бы просветить тебя насчет некоторых естественных вещей.

Кое-кто из ребят прыснул со смеха.

— Не сомневаюсь, что за все время, что ты провел в компании домашнего скота, ты многому научился, — колкостью на колкость ответила девушка.

— И, как я уже сказал, мог бы научить тебя.

Вся аудитория покатила со смеху. Суджа метнула на товарищей свирепый взгляд, а на Чина даже не взглянула, тем самым лишив его удовольствия. И с этого момента они стали подкалывать друг друга постоянно.

Когда Суджа вступила в дискуссионный клуб, Чин тоже стал его членом только ради того, чтобы высказывать там противоположное мнение. Они начали ходить на занятия вместе, с книгами в руках, никогда не касаясь друг друга, но всегда держась рядом. Они оба записались в кинематографический клуб и всегда садились рядом в кафетерии. Через некоторое время их имена стали употреблять вместе: «Суджа и Чин», причем Суджу всегда упоминали первой. Чин чувствовал, что Суджа ему симпатизировала, да и в учебе он преуспевал, но формально парень по-прежнему оставался никем. Он был неотесанным провинциалом низкого происхождения, а его семья не обладала ни положением, ни влиянием, поэтому казалось неве-

роятным, чтобы такая девушка, как Суджа, стала бы проводить с ним время.

Суджа тоже это отчетливо понимала, и интуиция подсказывала ей, что ее превосходство может разрушить их хрупкие отношения. Она преуменьшала связи своей семьи и даже сводила к минимуму собственные достижения. Когда ей предложили второй год стажировки в газете «Нодон», Суджа две недели не решалась рассказать об этом Чину, боясь, что это лишний раз подчеркнет ее привилегированность и семейные связи в обществе Пхеньяна. Но в конце концов она все-таки сделала это, когда они вместе выходили из аудитории.

Они свернули в коридор, залитый мягким рассеянным светом: зимний день был на излете и уступал место вечерней меланхолии. У самых дверей библиотеки Суджа проговорила:

— Ты же знаешь про мою стажировку фотографом в газете?

— Ага.

— Наверное, я продолжу ее и на следующий год.

— Я думал, что стажировка продолжается только год.

— Мне сказали, что я могла бы... — Суджа помедлила в нерешительности. — Что они могли бы продлить ее.

— Серьезно?! — воскликнул Чин.

— Да, — тихо ответила Суджа, боясь, что он обидится или расстроится.

Ее отец был в бешенстве, когда узнал об этом предложении, и грозился выбросить ее фотоаппарат. Анна хотел, чтобы она сосредоточилась на учебе, а не шлялась круглые сутки по городу, снимая. Ей не терпелось узнать, что думает об этом Чин.

— Они продлевают тебе стажировку на год? Это же большая честь! — Чин остановился как вкопанный. — Никому никогда не разрешают стажироваться по два года.

Суджа слегка пожала плечами и уставилась на свои ноги.

— Поздравляю! — воскликнул Чин. — Чего же ты такая кислая? Тебе надо прыгать от счастья!

— А ты этому рад?

— Конечно! Это же почетно. Я тобой горжусь!

— Но... — Она замялась, внезапно смутившись оттого, что собиралась сказать. — Некоторые люди говорят, что мне не следует работать журналистом, что это неподобающе для девушки.

— Неподобающе?! И кто же это говорит? «Нодон» лишится звезды, если не возьмет тебя.

— Это не в газете говорят, — покачала головой Суджа.

Чин испытующе посмотрел на подругу.

— Твои отец и мать, — догадался он, представив, как родители из высшего класса могут отреагировать на то, что их дочь решила работать фотографом.

Она кивнула:

— Они не желают, чтобы я бегала по городу и щелкала фотоаппаратом. Им хочется, чтобы я была преподавателем. Ну знаешь, занималась бы чем-то достойным.

— Хм... — промычал Чин.

Они шли по коридору плечом к плечу, но не осмеливаясь взяться за руки, чтобы никто не увидел.

— Подожди немного, — сказал он спокойным голосом, — и мы уговорим их.

Суджа почувствовала, что их тела движутся согласованно, как руки пловца, рассекающие бархатистую гладь озера. Она взглянула на Чина, и ее душа наполнилась спокойствием. Когда он был рядом, ей казалось, что все утрясется, все закончится хорошо.

Суджа стала приводить Чина в темную комнату, где они, словно под плащом-невидимкой, прятались от всего мира и его козней: пристальные взгляды преподавателей, сокурсников, друзей и даже родных оставались за дверью. Они стояли в душном красном мраке, остро ощущая жар на коже и тепло дыхания друг друга; часами погружали снимки в кюветы с реактивами и вместе отсчитывали секунды. Это было монотонное, но в то же время успокаивающее своей простотой занятие.

Однажды Чин опустил палец в закрепитель и что-то нарисовал на одной из ее недопроявленных фотографий. Он быстро переложил снимок в ванночку с проявителем, а потом наблюдал за тем, как Суджа выудила мокрую фотографию и встряхнула ее, разбрызгав проявитель. Она резко замерла и внимательно всмотрелась в карточку расширившимися глазами.

— *Onna*², это ты написал?!

Чин фыркнул от распивавшего его смеха.

— Ты что, не знаешь, что изменять фотографии — это преступление?! — воскликнула она. — Ты портишь собственность общенациональной газеты «Нодон», и это уголовно наказуемо!

Кровь отлила от лица Чина. Черт, что он наделал!

— Я не хотел... Я... Мне очень жаль, — забормотал он. — Черт возьми!

---

² Принятое обращение к молодым людям (*кор.*).

Он протянул руку к снимку, но Суджа подняла его выше. Она попыталась сохранить суровое лицо, но ее рот расплылся в улыбке:

— Я не собираюсь заявлять на тебя, *онна*. — Суджа игриво оттолкнула его.

— Дай мне, — попросил Чин. — Надо порвать его.

— Нет. — Суджа держала снимок на весу. — Он мой. Я его сохраню.

— Но это же преступление! Я же не знал! Не знал!

Она закатила глаза:

— Все в порядке. Правда! Никто никогда не узнает.

— Но я должен буду сознаться, — настаивал Чин.

— Ну, *онна*, какой же ты дурачок! Все нормально, я просто пошутила. — Суджа приподняла бровь, озорно посмотрела на Чина, а потом добавила: — Наверное.

Чин нервно присвистнул и положил руки ей на плечи. Он подумывал о том, чтобы встряхнуть ее, но вместо этого сжал в объятиях. Она очень непростая, эта Суджа, и он не был на сто процентов уверен в том, что девушка просто шутила, но это его уже не беспокоило.

Из-за очаровательной грубоватости ее шутки у него в груди будто открылся невидимый замочек. Теперь ему легче дышалось рядом с ней, и это было странно, потому что прежде он даже не осознавал своей скованности. Чин, испытав огромное облегчение, позволил себе наконец расслабиться и свободнее почувствовать себя в собственной шкуре — вернее, в разных шкурах: деревенщины, беглеца из маленького городишки, вершителя собственной судьбы, блестящего студента, нерешительного ухажера. Впервые в жизни он понял, что такое быть в ладу с самим собой

и со всем миром, и, конечно же, до ужаса испугался все испортить.

А Суджа поняла, что встретила человека, который подходит ей по всем параметрам: интеллекту, темпераменту и амбициозности. Ей словно удалось впервые вытянуться в полный рост, и она наслаждалась этим. Рядом с Чинном Суджа полностью могла быть собой и, так же как и он, хотела быть больше и лучше во всем, включая их отношения. Девушка постоянно искала способы удивить его, а на одном из свиданий решила проверить, насколько он ей доверяет, и попросила встретить ее на вокзале.

— Ладно, а что потом? Мы куда-то пойдём? — поинтересовался Чин, прикидывая, нужно ли ему брать с собой удостоверение личности.

— Увидишь, — загадочно ответила Суджа.

Чин приехал на десять минут раньше и ждал ее у выхода к платформам, где то и дело в воздух взметались клубы пыли и ощущался запах машинного масла и сладкий аромат *дука*³. Он стоял в вестибюле и выискивал глазами Суджу среди плотного потока пассажиров. Народ проталкивался мимо стоящих посреди платформы лоточников с дымящейся выпечкой.

— *Дук!* Сладкий, горячий *дук!* — то и дело выкрикивали они.

Чин прождал минут тридцать и уже собирался уходить, как внезапно почувствовал чье-то присутствие рядом, и в следующий миг ему на глаза набросили повязку. Руки Чина резко взметнулись и ухватились за нее, но она уже была крепко затянута. Парень весь напрягся, готовясь дать отпор, но тут раздался голос Суджы:

— Расслабься, *онна*, это я.

---

³ Выпечка с жженым сахаром.

— Суджа?! — воскликнул Чин.

— Да. И мы идем гулять. — Чтобы ободрить его, она положила ему руку на спину. — Следующие несколько часов или около того я буду твоими глазами. Доверься мне. — Суджа взяла Чина за руку и потянула, увлекая его за собой в толпу.

— Подожди секунду, — попросил он, но Суджа тащила его вперед, уворачиваясь от прохожих.

Они добрались до выхода, где она помогла ему пройти через турникеты, и оказались на улице. Чин держал Суджу за руку, наслаждаясь ее кипучей энергией и тем, что оказался в ее власти. Он начал заигрывать с нею, то притягивая ее к себе, то пытаясь сбить с пути.

— Прекрати! — засмеялась Суджа и повела его вперед по тротуару.

Так они шли еще минут двадцать, а потом она открыла тяжелую металлическую дверь и впустила Чина внутрь какого-то здания. Девушка подвела друга к лестнице и начала подниматься. Он последовал за ней, прислушиваясь к звуку шагов, отражавшемуся от стен подъезда. Чин догадался, что они находятся в жилом доме, и предположил, что она, возможно, вела его к себе домой. Его охватило волнение и ужас при мысли о том, что Суджа может представить его своим родным. «Нет! Этого не может быть!» Ему казалось невыносимым встретиться с ее семьей, поскольку он знал, что не сможет привезти Суджу в обнищавший городишко. Возможно, она вообще никогда не бывала в местах севернее Пхеньяна, и уж тем более в таком захолустье возле китайской границы.

Так куда же они идут? Его сердце бешено колотилось, пока она тащила его вверх по лестнице, но когда

лестничные пролеты остались позади и они пошли по коридору, Чин немного расслабился, и между ними начало разрастаться чувство взаимного доверия.

Наконец Суджа открыла дверь, перевела его через порог, и они оказались на открытом воздухе. Чин чувствовал ветер и слышал приглушенный гул машин где-то внизу. Он оценил обстановку и предположил, что они находятся на крыше какого-то здания. И тут Суджа выпустила его руку.

Чин застыл, вытянув руки по швам.

— Что мне делать теперь?

— Иди вперед, пока я не велю остановиться.

— Серьезно?

— Серьезно.

Парень колебался, остро ощущая дуновение ветра, слыша доносящийся снизу шум: едва различимые голоса прохожих, звуки их шагов, рев набирающего скорость грузовика, чириканье воробьев. Чин глубоко вдохнул, сделал еще пару неуверенных шагов, а затем остановился.

— Иди дальше, — велела Суджа.

Он шагнул еще несколько раз, с каждым разом ощущая все большую уверенность, а потом шел до тех пор, пока Суджа не крикнула:

— Стой!

Она подбежала к нему и встала рядом.

— Ты готов? — задыхаясь, спросила девушка.

— Да.

Она сняла повязку.

Чин стоял на высоте ста ярдов⁴ над улицей и смотрел на главный променад Пхеньяна. С правой стороны

---

⁴ Около 91 метра.

возвышались громады президентских зданий и величественная улица Кумсон, на которой проходили все государственные парады. Слева виднелся монумент Чхоллима, изображающий крылатого коня, устремленного в небеса. Чхоллима считался гонцом, который летал на сторожевые заставы во время Маньчжурской войны, помогая воинам Чосона⁵ отбивать атаки и в конечном счете победить. Летающий конь был символом боевого духа и стремительного экономического развития страны. Чин стоял на одном уровне с ним, и у его ног лежали все достопримечательности Пхеньяна.

— *Омона!* Боже мой! — выдохнул Чин с замиранием сердца.

— Великолепно, не правда ли? — мягко произнесла Суджа.

— Я себе и представить такого не мог!

Суджа просияла, и глаза ее заблестели, когда она обвела взглядом улицу Кумсон.

— Вот оно, Чин Ли Пак! Это и есть наше будущее!

Чин глубоко вдохнул, обозревая окрестности, а потом посмотрел на подругу. Впервые в жизни ему показалось, что он понимает значение слова «великодушие». Он взял ее за руку, и вместе они залюбовались очертаниями города на фоне неба. Благодаря Судже ему наконец стало ясно, насколько спокойной, полной и щедрой может быть жизнь. Похоже, Чин начал пускать корни в Пхеньяне и вылупляться из своей оболочки, как стрекоза.

— Суджа, благодаря тебе я сейчас чувствую что-то невероятное! — Он простер руки вперед, будто обнимая город. — Я имею в виду, что ты открыла передо

---

⁵ Корейское государство, существовавшее с 1392 до 1897 года.

мной горизонты. Не только приведя сюда. — Чин засмеялся. — Но и в других смыслах тоже. Ты открыла что-то у меня внутри...

Она ждала продолжения и даже готовилась отпустить шуточку, но что-то в его взгляде заставило ее прикусить язык.

— Я не знаю...

В конце концов Чин покачал головой и обнял ее. Но все же он точно понимал, что чувствует, — просто еще не знал, как сказать об этом.